

П. А. Астафичев¹

ОТНОШЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ГУМАННОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Важным показателем гуманности правоохранительной системы в условиях многополярного мира является отношение в государстве и обществе к вопросу о *смертной казни*. В современной России данная проблематика актуализировалась в связи с принятием Федерального закона «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы»². В новейшей истории страны мораторий на смертную казнь и ограничение ее фактического применения в значительной степени связывались с международно-правовыми обязательствами страны³. С 28 февраля 1996 года по 16 марта 2022 года Россия была членом Совета Европы, ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (Федеральный закон от 30 марта 1998 г.), подписала к нему Протокол № 6 (об отмене смертной казни в мирное время), но не ратифицировала его. Указ Президента РФ от 16 мая 1996 года «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы», даже исходя из его наименования, мотивировался скорее международно-правовыми, чем национально-гуманистическими соображениями⁴. В связи с принципиальными разногласиями между главой государства и парламентом по вопросу о допустимости применения в стране высшей меры наказания сложилась дилемма: правовая ситуация, при которой международно-правовое обязательство *принято* в форме подписания, но *окончательно не реализовано* вследствие отсутствия акта о ратификации.

При таких обстоятельствах логичным было применение ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которой правило *sunt servanda* подлежит применению, пока не будет явного намерения России отказаться от участия в этом

международном договоре. Однако в действительности имела место существенная правовая неопределенность⁵. Основную историко-правовую роль в ее решении сыграл Конституционный Суд РФ, причем дважды: в 1999 году в форме Постановления № 3-П и в 2009 году посредством вынесения Определения № 1344-О.

Следует подчеркнуть, что Конституционный Суд РФ мотивировал решение о моратории на смертную казнь не столько международно-правовыми, сколько гуманистическими обстоятельствами⁶. При принятии Постановления № 3-П ключевым основанием послужил факт отсутствия во всех субъектах РФ судов с участием присяжных заседателей; при мотивировке Определения № 1344-О — «длительность моратория», «устойчивость гарантий», «необратимость процесса» и лишь затем — «международно-правовые тенденции» и «международно-правовые обязательства России»⁷. При этом в Уголовном кодексе РФ до сих пор имеется пять составов преступлений (ст. 105, 277, 295, 317, 357), наказанием за которые может быть применение смертной казни (убийство с отягчающими обстоятельствами, геноцид, различные формы посягательства на жизнь отдельных категорий субъектов — государственных и общественных деятелей; лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование; сотрудников правоохранительных органов).

Уголовно-исполнительный кодекс РФ (ст. 184–196) со всеми подробностями описывает процедуру применения смертной казни, включая не только обязательность решения Президента РФ (по ходатайству осужденного о помиловании либо по результатам проверки и заключений Верховного Суда РФ и Генерального прокурора РФ при отсутствии такого ходатайства), но и форму (непубличный расстрел), присутствие врача и прокурора, протоколирование факта наступления смерти и правила захоронения (без выдачи тела родственникам или близким). Парламент не выражает воли к отмене данных нормативных правовых предписаний; программы ряда политических партий, которые представлены в Государственной Думе как фракции, содержат положение о необходимости возобновления в России института высшей меры наказания. Подчеркнем при этом, что последний смертный приговор был вынесен в стране в 1996 году в отно-

¹ Профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Кадры судебных и правоохранительных органов как предмет совместного ведения Федерации и ее субъектов», «Принцип единства системы публичной власти в конституционном праве современной России», «Судебная форма защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина: приоритеты и проблемы совершенствования», «Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании», «Комитет конституционного надзора СССР в государственно-правовой истории России: опыт правового регулирования организации и деятельности» и др. Член Межрегиональной ассоциации конституционалистов. Награжден премией и грамотой Госсовета Республики Крым за научные достижения.

² Виноградова А. Ю. Актуальные вопросы регулирования смертной казни в России на фоне выхода из Совета Европы // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2. С. 280–281.

³ Ахъядов Э. С., Хаджиев У. К. Историко-правовые последствия института смертной казни в России в связи со вступлением в Совет Европы // Вестник научной мысли. 2022. № 6. С. 135–138.

⁴ Лепешкина О. И. Об обязательстве России отменить смертную казнь как члена Совета Европы // Актуальные проблемы международного права в современных геополитических условиях. М., 2019. С. 96–106.

⁵ Комишкова О. В. Между молотом и наковальней: позиция Конституционного Суда РФ по вопросу неприменения смертной казни // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5. С. 112–133.

⁶ Коняев С. А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в моратории на применение смертной казни // Конституционные чтения. 2011. № 5. С. 114–127.

⁷ Блаткова В. В. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации как обоснование моратория на смертную казнь // Общество и личность: гуманизация в условиях информационной и коммуникационной культуры. М., 2018. С. 455–458.

шении серийного убийцы С. А. Головкина. С тех пор прошло 27 лет¹.

Полагаем, что если современная правоохранительная система позиционирует себя в качестве гуманной, она однозначно раз и навсегда должна отказаться от института смертной казни в мирное время как варварского, чуждого русской культуре и опыту большинства цивилизованных стран. Согласно позиции Русской православной церкви, выраженной в Основах социальной концепции, «наказание смертью не может иметь должного воспитательного значения, делает непоправимой судебную ошибку, вызывает неоднозначные чувства в народе»; «милосердие к падшему человеку всегда предпочтительнее мести»². Однако насколько традиционной является духовно-нравственная ценность неприемлемости института высшей меры наказания? Не есть ли это только явление Новейшего времени, если под ним подразумевать постсоветский период государственно-правовой истории?

Если брать за основу правление Ивана IV или Петра I, высшая мера наказания будет выглядеть едва ли не как основная форма царско-деспотической репрессии. Указанные монархи, несмотря на их различную историческую роль в судьбе России, имели общей чертой склонность к казням, причем именно на периоды их правления приходится своего рода историко-правовой максимум. Но и при царствовании других монархов в Российской империи применялись телесные наказания, клеймение, вырывание ноздрей. Бунтовщик Емельян Пугачев, например, был четвертован³. Не остается в стороне печальная и, по сути, постыдная картина сталинского режима: только в период Большого террора 1937–1938 годов в стране было вынесено более 600 тыс. смертных приговоров. В периоды с 1935 по 1947-й и с 1950 по 1959 год законодательство страны допускало казнь несовершеннолетних. В целом же уголовно-правовая политика в отношении смертной казни, начиная с Февральской революции 1917 года, носила «маятниковый» характер, демонстрируя паттерны отмены (фактически — приостановления) и возобновления высшей меры уголовного наказания.

Так, Второй Всероссийский съезд Советов 28 октября 1917 года отменил смертную казнь, но Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 5 сентября 1918 года «О красном терроре» высшая мера наказания была возвращена. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 17 января 1920 года смертная казнь снова отменяется, но возвращается Приказом Революционного военного совета от 4 мая 1920 года «О революционных военных трибуналах» (расстрел без обжалования, помилования и немедленно). Указом Президиума

Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 года смертная казнь в мирное время отменяется, но Указом того же органа от 12 января 1950 года «по просьбам трудящихся» и с ретроактивным применением уголовного закона высшая мера наказания предусматривается вновь (за измену Родине, шпионаж и диверсию). Примечательны указы Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 года (смертная казнь за убийство при отягчающих обстоятельствах), от 15 февраля 1962 года (высшая мера наказания за изнасилование)⁴, от 20 февраля 1962 года (смертная казнь за взяточничество)⁵ и др.

При подобных примерах наши современники должны радоваться тому, какой уровень гуманизма правоохранительной системы достигнут в настоящее время. Сказанное, однако, не дает оснований для идеализации правоохранительной системы современной России. Правоохранительная деятельность — не тот объект, который может достигнуть заранее предустановленного уровня совершенства, чтобы избежать какой-либо критики. Имеющаяся правоохранительная система в историко-правовом смысле действительно достаточно гуманна, но имеет проблемы и недостатки, которые должны обсуждаться в юридической науке и обществе.

В связи с этим можно сделать вывод, что действующее уголовно-правовое регулирование нуждается в общественной экспертизе, публичном обсуждении и открытой для общества частичной ревизии, целями которых были бы избавление данного документа от избыточности, декриминализация спорных с научной и общественной точек зрения деяний, смягчение ряда наказаний на основе конституционных принципов соразмерности и справедливости. Полагаем, что Россия способна справиться с проблемой конституционализации уголовно-правового регулирования, опираясь на здоровые силы гражданского общества и весьма развитый в институциональном отношении инструментарий отечественной конституционной науки⁶. Это будет соответствовать цели реализации в государственной политике традиционных духовно-нравственных ценностей гуманности и гуманизма.

Уголовная ответственность представляет собой важный и перманентно актуальный инструмент политики государства. Объясняется это суровостью уголовно-правовой санкции и значительностью негативных последствий (правовых и нравственных), которые неизбежно должен претерпевать правонарушитель вследствие вынесения в отношении него обвинительного приговора и приведения такого судебного акта в исполнение. Репутационные издержки привлечения граждан к уголовной ответственности наблюдаются в силу позитивной направленности морали современного обще-

¹ «Возврат смертной казни — это дополнительная моральная и психологическая ответственность на адвоката». Президент ФПА РФ Юрий Пилипенко прокомментировал предложение главы Конституционного Суда РФ отменить мораторий на смертную казнь // Вестн. Федеральной палаты адвокатов РФ. 2022. № 1. С. 173–174.

² Авилова О. Е. Церковно-государственные отношения в свете Основ социальной концепции Русской православной церкви // Вестн. Алтайской акад. экономики и права. 2012. № 4. С. 96–99.

³ Антропова Д. В. Пугачевский бунт при Екатерине II в 1773–1775 годах // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. СПб., 2022. С. 60–65.

⁴ Гордеева Д. Р. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за особо квалифицированные составы изнасилования // Аллея науки. 2022. Т. 1, № 8. С. 259–264.

⁵ Овчинников В. В. Трудно быть взяточником в Китае // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 43–44.

⁶ Астафичев П. А. Обеспечение конституционности законодательства об уголовной ответственности в деятельности органов народного представительства и конституционного правосудия // Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики : сб. науч. ст. и докл. XIII Междунар. науч.-практ. конф. Орел, 2022. С. 3–14.

ства, однако это не всегда адекватно дифференцируется в зависимости от таких важных в юридическом смысле обстоятельств, как характер преступления, тяжесть содеянного, степень вины правонарушителя, характеристика его личности, поведение виновного лица и др.¹

Демократический правопорядок требует, чтобы уголовное законодательство было *конституционным*, причем конституционность данного законодательства *не является очевидной*². Позитивное уголовно-правовое регулирование нуждается в *конституционализации*³. Практика Конституционного Суда РФ

демонстрирует *фрагментарную законодательную дефектность* и, следовательно, конституционную противоправность уголовно-правового регулирования отдельных общественных отношений, а также складывающуюся на основе этого правоприменительную практику. При этом степень латентности подобного рода конституционно-правовых деликтов⁴ пока еще до конца не оценена и нуждается как минимум в тщательном *научном анализе и широком, гласном, публичном и критически ориентированном общественном обсуждении*.

¹ Астафичев П. А. Обеспечение конституционности законодательства об уголовной ответственности в деятельности органов народного представительства и конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2022. № 4. С. 10–17.

² Плаксина Т. А. Конституция Российской Федерации как формальный источник отечественного уголовного права: спорные вопросы // Юрист-Правовед. 2017. № 1. С. 47.

³ Гужеева О. С. Конституционализация уголовного права как направление реализации конституционно-правовых норм // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2020. № 2. С. 29.

⁴ Трофимова Г. А. Понятие конституционного правонарушения // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 3–9.